

Марк Твен

Приключения Тома Сойера

Перевод с английского
Нины Дарузес

ФТМ

Приключения Тома Сойера

Марк Твен

Приключения Тома Сойера

«ФТМ»

1876

Твен М.

Приключения Тома Сойера / М. Твен — «ФТМ»,
1876 — (Приключения Тома Сойера)

ISBN 978-5-4467-1774-3

В книге о приключениях Тома Сойера писатель с большим мастерством нарисовал жизнь американского провинциального городка 40-х годов XIX века. Благодаря напряженному сюжету и блестящему юмору эта книга горячо любима читателями всего мира.

ISBN 978-5-4467-1774-3

© Твен М., 1876

© ФТМ, 1876

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвертая	17
Глава пятая	23
Глава шестая	26
Глава седьмая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марк Твен

Приключения Тома Сойера

Глава первая

– Том!

Ответа нет.

– Том!

Ответа нет.

– Удивительно, куда мог деваться этот мальчишка! Том, где ты?

Ответа нет.

Тетя Полли спустила очки на нос и оглядела комнату поверх очков, затем подняла их на лоб и оглядела комнату из-под очков. Она очень редко, почти никогда не глядела сквозь очки на такую мелочь, как мальчишка; это были парадные очки, ее гордость, приобретенные для красоты, а не для пользы, и что-нибудь разглядеть сквозь них ей было так же трудно, как сквозь пару печных заслонок. На минуту она растерялась, потом сказала – не очень громко, но так, что мебель в комнате могла ее слышать:

– Ну погоди, дай только до тебя добраться...

Не договорив, она нагнулась и стала тыкать щеткой под кровать, переводя дыхание после каждого тычка. Она не извлекла оттуда ничего, кроме кошки.

– Что за ребенок, в жизни такого не видывала!

Подойдя к открытой настежь двери, она остановилась на пороге и обвела взглядом свой огород – грядки помидоров, заросшие дурманом. Тома не было и здесь. Тогда, возвысив голос, чтобы ее было слышно как можно дальше, она крикнула:

– То-о-ом, где ты?

За ее спиной послышался легкий шорох, и она оглянулась – как раз вовремя, чтобы ухватить за помочи мальчишку, пока он не прошмыгнул в дверь.

– Ну, так и есть! Я и позабыла про чулан. Ты что там делал?

– Ничего.

– Ничего? Посмотри, в чем у тебя руки. И рот тоже. Это что такое?

– Не знаю, тетя.

– А я знаю. Это варенье – вот что это такое! Сорок раз я тебе говорила: не смей трогать варенье – выдеру! Подай сюда розгу.

Розга засвистела в воздухе, – казалось, что беды не миновать.

– Ой, тетя, что это у вас за спиной?!

Тетя обернулась, подхватив юбки, чтобы уберечь себя от опасности. Мальчишка в один миг перемахнул через высокий забор и был таков.

Тетя Полли в первую минуту опешила, а потом добродушно рассмеялась:

– Вот и поди с ним! Неужели я так ничему и не выучусь? Мало ли он со мной выкидывает фокусов? Пора бы, кажется, поумнеть. Но нет хуже дурака, как старый дурак. Недаром говорится: «Старую собаку не выучишь новым фокусам». Но ведь, господи ты боже мой, он каждый день что-нибудь придумает, где же тут угадать. И как будто знает, сколько времени можно меня изводить; знает, что стоит ему меня рассмешить или хоть на минуту сбить с толку, у меня уж и руки опускаются, я даже шлепнуть его не могу. Не выполняю я своего долга, что греха таить! Ведь сказано в писании: кто щадит младенца, тот губит его. Ничего хорошего из этого не выйдет, грех один. Он сущий чертенок, я знаю, но ведь он, бедняжка, сын моей покойной сестры, у меня как-то духу не хватает наказывать его. Потакать ему – совесть замучит, а

накажешь – сердце разрывается. Недаром ведь сказано в писании: век человеческий краток и полон скорбей; и я думаю, что это правда. Нынче он отлынивает от школы; придется мне завтра наказать его – засажу за работу. Жалко заставлять мальчика работать, когда у всех детей праздник, но работать ему всего тяжелей, а мне надо исполнить свой долг перед ним, иначе я погублю ребенка.

Том не пошел в школу и отлично провел время. Он еле успел вернуться домой, чтобы до ужина помочь негритенку Джиму напилить на завтра дров и наколоть щепок для растопки. Во всяком случае, он успел рассказать Джиму о своих похождениях, пока тот сделал три четверти работы. Младший (или, скорее, сводный) брат Тома, Сид, уже сделал все, что ему полагалось (он подбирал и носил щепки): это был послушный мальчик, не склонный к шалостям и проказам.

Покуда Том ужинал, при всяком удобном случае таская из сахарницы куски сахара, тетя Полли задавала ему разные каверзные вопросы, очень хитрые и мудреные, – ей хотелось поймать Тома врасплох, чтобы он проговорился. Как и многие простодушные люди, она считала себя большим дипломатом, способным на самые тонкие и таинственные уловки, и полагала, что все ее невинные хитрости – чудо изворотливости и лукавства. Она спросила:

– Том, в школе было не очень жарко?

– Нет, тетя.

– А может быть, очень жарко?

– Да, тетя.

– Что ж, неужели тебе не захотелось выкупаться, Том?

У Тома душа ушла в пятки – он почуял что-то недоброе. Он недоверчиво посмотрел в лицо тете Полли, но ничего особенного не увидел и потому сказал:

– Нет, тетя, не очень.

Она протянула руку и, пощупав рубашку Тома, сказала:

– Да, пожалуй, ты несколько не вспотел. – Ей приятно было думать, что она сумела проверить, сухая ли у Тома рубашка, так, что никто не понял, к чему она клонит.

Однако Том сразу почуял, куда ветер дует, и предупредил следующий ход:

– У нас в школе мальчики обливали голову из колодца. У меня она и сейчас еще мокрая, поглядите!

Тетя Полли очень огорчилась, что упустила из виду такую важную улику. Но тут же вдохновилась опять.

– Том, ведь тебе не надо было распарывать воротник, чтобы окатить голову, верно? Расстегни куртку!

Лицо Тома просияло. Он распахнул куртку – воротник был крепко зашит.

– А ну тебя! Убирайся вон! Я, признаться, думала, что ты сбежишь с уроков купаться. Так и быть, на этот раз я тебя прощаю. Не так ты плох, как кажешься.

Она и огорчалась, что проницательность обманула ее на этот раз, и радовалась, что Том хоть случайно вел себя хорошо.

Тут вмешался Сид:

– Мне показалось, будто вы зашили ему воротник белой ниткой, а теперь у него черная.

– Ну да, я зашивала белой! Том!

Но Том не стал дожидаться продолжения. Выбегая за дверь, он крикнул:

– Я это тебе припомню, Сидди!

В укромном месте Том осмотрел две толстые иголки, вколотые в отвороты его куртки и обмотанные ниткой: в одну иголку была вдет белая нитка, в другую – черная.

– Она бы ничего не заметила, если бы не Сид. Вот черт! То она зашивает белой ниткой, то черной. Хоть бы одно что-нибудь, а то никак не уследишь. Ну и отлуплю же я Сиду. Будет помнить!

Том не был самым примерным мальчиком в городе, зато очень хорошо знал самого примерного мальчика – и терпеть его не мог.

Через две минуты, и даже меньше, он забыл про все свои несчастья. Не потому, что эти несчастья были не так тяжелы и горьки, как несчастья взрослого человека, но потому, что новый, более сильный интерес вытеснил их и изгнал на время из его души, – совершенно так же, как взрослые забывают в волнении свое горе, начиная какое-нибудь новое дело. Такой новинкой была особенная манера свистеть, которую он только что перенял у одного негра, и теперь ему хотелось поупражняться в этом искусстве без помехи.

Это была совсем особенная птичья трель – нечто вроде заливистого щебета; и для того чтобы она получилась, надо было то и дело дотрагиваться до нёба языком, – читатель, верно, помнит, как это делается, если был когда-нибудь мальчишкой. Приложив к делу старание и терпение, Том скоро приобрел необходимую сноровку и зашагал по улице еще быстрее, – на устах его звучала музыка, а душа преисполнилась благодарности. Он чувствовал себя как астроном, открывший новую планету, – и без сомнения, если говорить о сильной, глубокой, ничем не омраченной радости, все преимущества были на стороне мальчика, а не астронома.

Летние вечера тянутся долго. Было еще совсем светло. Вдруг Том перестал свистеть. Перед ним стоял незнакомый мальчик чуть побольше его самого. Приезжий какого угодно возраста и пола был редкостью в захудалом маленьком городишке Сент-Питерсберге. А этот мальчишка был еще и хорошо одет, – подумать только, хорошо одет в будний день! Просто удивительно. На нем была совсем новая франтовская шляпа и нарядная суконная куртка, застегнутая на все пуговицы, и такие же новые штаны. Он был в башмаках – это в пятницу-то! Даже галстук у него имелся – из какой-то пестрой ленты. И вообще вид у него был столичный, чего Том никак не мог стерпеть. Чем дольше Том смотрел на это блистающее чудо, тем выше он задирал нос перед франтом-чужаком и тем более жалким казался ему его собственный костюм. Оба мальчика молчали. Если двигался один, то двигался и другой – но только боком, по кругу; они все время стояли лицом к лицу, не сводя глаз друг с друга. Наконец Том сказал:

– Хочешь, поколочу?

– Ну-ка, попробуй! Где тебе!

– Сказал, что поколочу, значит, могу.

– А вот и не можешь.

– Могу.

– Не можешь!

– Могу.

– Не можешь!

Тягостное молчание. После чего Том начал:

– Как тебя зовут?

– Не твое дело.

– Захочу, так будет мое.

– Ну так чего ж не дерешься?

– Поговори еще у меня, получишь.

– И поговорю, и поговорю – вот тебе.

– Подумаешь, какой выискался! Да я захочу, так одной левой рукой тебя побью.

– Ну, так чего ж не бьешь? Только разговариваешь.

– Будешь дурака валять – и побью.

– Ну да – видали мы таких.

– Ишь вырядился! Подумаешь, какой важный! Еще в шляпе!

– Возьми да сбей, если не понравилась. Попробуй сбей – тогда узнаешь.

– Врешь!

– Сам врешь!

- Где уж тебе драться, не посмеешь.
- Да ну тебя!
- Поговори еще у меня, я тебе голову кирпичом проломлю!
- Как же, так и проломил!
- И проломлю.
- А сам стоишь? Разговаривать только мастер. Чего ж не дерешься? Боишься, значит?
- Нет, не боюсь.
- Боишься!
- Нет, не боюсь.
- Боишься!

Опять молчание, опять оба начинают наступать боком, косясь друг на друга. Наконец сошлись плечо к плечу. Том сказал:

- Убирайся отсюда!
- Сам убирайся!
- Не хочу.
- И я не хочу.

Они стояли, каждый выставив ногу вперед, как опору, толкаясь изо всех сил и с ненавистью глядя друг на друга. Однако ни тот, ни другой не мог одолеть. Наконец, разгоряченные борьбой и раскрасневшиеся, они осторожно отступили друг от друга, и Том сказал:

– Ты трус и щенок. Вот скажу моему старшему брату, чтоб он тебе задал как следует, так он тебя одним мизинцем поборет.

– А мне наплевать на твоего старшего брата! У меня тоже есть брат, еще постарше. Возьмет да как перебросит твоего через забор! (Никаких братьев и в помине не было.)

- Все вранье.
- Ничего не вранье, мало ли что ты скажешь.

Большим пальцем ноги Том провел в пыли черту и сказал:

– Только перешагни эту черту, я тебя так отлуплю, что своих не узнаешь. Попробуй только, не обрадуешься.

Новый мальчик быстро перешагнул черту и сказал:

- Ну-ка попробуй, тронь!
- Ты не толкайся, а то как дам!
- Ну, погляжу я, как ты мне дашь! Чего же не дерешься?
- Давай два цента, отлуплю.

Новый мальчик достал из кармана два больших медяка и насмешливо протянул Тому. Том ударил его по руке, и медяки полетели на землю. В тот же миг оба мальчика покатались в грязь, сцепившись по-кошачьи. Они таскали и рвали друг друга за волосы и за одежду, царапали носы, угощали один другого тумачами – и покрыли себя пылью и славой. Скоро неразбериха прояснилась, и сквозь дым сражения стало видно, что Том оседлал нового мальчика и молотит его кулаками.

– Проси пощады! – сказал он.

Мальчик только забарахтался, пытаясь высвободиться. Он плакал больше от злости.

– Проси пощады! – И кулаки заработали снова.

В конце концов чужак сдавленным голосом запросил пощады, и Том выпустил его, сказав:

– Это тебе наука. В другой раз гляди, с кем связываешься.

Франт побрел прочь, отряхивая пыль с костюмчика, всхлипывая, сопя и обещая задать Тому как следует, «когда поймает его еще раз».

Том посмеялся над ним и направился домой в самом превосходном настроении, но как только Том повернул к нему спину, чужак схватил камень и бросил в него, угодив ему между

лопатов, а потом пустился наутек, скача, как антилопа. Том гнался за ним до самого дома и узнал, где он живет. Некоторое время он сторожил у калитки, вызывая неприятеля на улицу, но тот только строил ему рожи из окна, отклоняя вызов. Наконец появилась мамаша неприятеля, обозвала Тома скверным, грубым, невоспитанным мальчишкой и велела ему убираться прочь. И он убрался, предупредив, чтоб ее сынок больше не попадался ему.

Он вернулся домой очень поздно и, осторожно влезая в окно, обнаружил засаду в лице тети Полли; а когда она увидела, в каком состоянии его костюм, то ее решимость заменить ему субботний отдых каторжной работой стала тверже гранита.

Глава вторая

Наступило субботнее утро, и все в летнем мире дышало свежестью, сияло и кипело жизнью. В каждом сердце звучала музыка, а если это сердце было молодо, то песня рвалась с губ. Радость была на каждом лице, и весна – в походке каждого. Белая акация стояла в полном цвету, и ее благоухание разливалось в воздухе.

Кардифская гора, которую видно было отовсюду, зазеленела вся сплошь и казалась издали чудесной, заманчивой страной, полной мира и покоя.

Том появился на тротуаре с ведром извести и длинной кистью в руках. Он оглядел забор, и всякая радость отлетела от него, а дух погрузился в глубочайшую тоску. Тридцать ярдов дощатого забора в девять футов вышиной! Жизнь показалась ему пустой, а существование – тяжким бременем. Вздыхая, он окунул кисть в ведро и провел ею по верхней доске забора, повторил эту операцию, проделал ее снова, сравнил ничтожную выбеленную полоску с необозримым материком некрашеного забора и уселся на загородку под дерево в полном унынии. Из калитки вприпрыжку выбежал Джим с жестяным ведром в руке, напевая «Девушки из Буффало». Носить воду из городского колодца всегда казалось Тому скучным делом, но сейчас он посмотрел на это иначе. Он вспомнил, что у колодца постоянно собирается общество. Белые и черные мальчишки и девчонки вечно торчали там, дожидаясь своей очереди, отдыхали, менялись игрушками, ссорились, дрались, баловались. И еще он припомнил, что, хотя колодец был от них всего шагов за полтора, Джим никогда не возвращался домой раньше чем через час, да и то приходилось кого-нибудь посылать за ним. Том сказал:

– Слушай, Джим, я схожу за водой, а ты побели тут немножко.

– Не могу, мистер Том. Старая хозяйка велела мне поскорей сходить за водой и не останавливаться ни с кем по дороге. Она говорила, мистер Том, верно, позовет меня белить забор, так чтоб я шел своей дорогой и не совался не в свое дело, а уж насчет забора она сама позаботится.

– А ты ее не слушай, Джим. Мало ли что она говорит. Давай мне ведро, я в одну минуту сбегаю. Она даже не узнает.

– Ой, боюсь, мистер Том. Старая хозяйка мне за это голову оторвет. Ей-богу, оторвет.

– Она-то? Да она никогда и не дерется. Стукнет по голове наперстком, вот и все, – подумаешь, важность какая! Говорит-то она бог знает что, да ведь от слов ничего не делается, разве сама заплачет. Джим, я тебе шарик подарю! Я тебе подарю белый с мраморными жилками!

Джим начал колебаться.

– Белый мраморный, Джим! Это тебе не пустяки!

– Ой, как здорово блеснит! Только уж очень я боюсь старой хозяйки, мистер Том...

– А еще, если хочешь, я тебе покажу свой больной палец.

Джим был всего-навсего человек – такой соблазн оказался ему не по силам. Он поставил ведро на землю, взял белый шарик и, весь охваченный любопытством, наклонился над больным пальцем, покуда Том разматывал бинт. В следующую минуту он уже летел по улице, громя ведром и почесывая спину, Том усердно белил забор, а тетя Полли удалялась с театра военных действий с туфлей в руке и торжеством во взоре.

Но энергии Тома хватило ненадолго. Он начал думать о том, как весело рассчитывал провести этот день, и скорбь его умножилась. Скоро другие мальчики пойдут из дому в разные интересные места и поднимут Тома на смех за то, что его заставили работать, – одна эта мысль жгла его, как огнем. Он вынул из кармана все свои сокровища и произвел им смотр: ломаные игрушки, шарики, всякая дрянь, – может, годится на обмен, но едва ли годится на то, чтобы купить себе хотя бы один час полной свободы. И Том опять убрал в карман свои тощие капиталы, оставив всякую мысль о том, чтобы подкупить мальчиков. Но в эту мрачную

и безнадежную минуту его вдруг осенило вдохновение. Не более и не менее как настоящее ослепительное вдохновение!

Он взялся за кисть и продолжал неторопливо работать. Скоро из-за угла показался Бен Роджерс – тот самый мальчик, чьих насмешек Том боялся больше всего на свете. Походка у Бена была легкая, подпрыгивающая – верное доказательство того, что и на сердце у него легко и от жизни он ждет только самого лучшего. Он жевал яблоко и время от времени издавал протяжный мелодичный гудок, за которым следовало: «динь-дон-дон», «динь-дон-дон», на самых низких нотах, потому что Бен изображал пароход. Подойдя поближе, он убавил ход, повернул на середину улицы, накренился на правый борт и стал не торопясь заворачивать к берегу, старательно и с надлежащей важностью, потому что изображал «Большую Миссури» и имел осадку в девять футов. Он был и пароход, и капитан, и парходный колокол – все вместе, и потому воображал, что стоит на капитанском мостике, сам отдавал команду и сам же ее выполнял.

– Стоп, машина! Тинь-линь-линь! – Машина застопорила, и пароход медленно подошел к тротуару. – Задний ход! – Обе руки опустились и вытянулись по бокам.

– Право руля! Тинь-линь-линь! Чу! ч-чу-у! Чу! – Правая рука тем временем торжественно описывала круги: она изображала сорокафутовое колесо.

– Лево руля! Тинь-линь-линь! Чу-ч-чу-у! – Левая рука начала описывать круги.

– Стоп, правый борт! Тинь-линь-линь! Стоп, левый борт! Малый ход! Стоп, машина! Самый малый! Тинь-линь-линь! Чу-у-у! Отдай концы! Живей! Ну, где же у вас канат, чего копаешься? Зачаливай за сваю! Так, так, теперь отпусти! Машина стала, сэр! Тинь-линь-линь! Шт-шт-шт! (Это он выпускал пары.)

Том продолжал белить забор, не обращая на пароход никакого внимания. Бен уставился на него и сказал:

– Ага, попался, взяли на причал!

Ответа не было. Том рассматривал свой последний мазок глазами художника, потом еще раз осторожно провел кистью по забору и отступил, любуясь результатами. Бен подошел и стал рядом с ним. Том проглотил слюну – так ему захотелось яблока, но упорно работал. Бен сказал:

– Что, старик, работать приходится, а?

Том круто обернулся и сказал:

– А, это ты, Бен? Я и не заметил.

– Слушай, я иду купаться. А ты не хочешь? Да нет, ты, конечно, поработаешь? Ну, само собой, работать куда интересней.

Том пристально посмотрел на Бена и спросил:

– Что ты называешь работой?

– А это, по-твоему, не работа, что ли?

Том снова принялся белить и ответил небрежно:

– Что ж, может, работа, а может, и не работа. Я знаю только одно, что Тому Сойеру она по душе.

– Да брось ты, уж будто бы тебе так нравится белить?

Кисть все так же равномерно двигалась по забору.

– Нравится? А почему же нет? Небось не каждый день нашему брату достается белить забор.

После этого все дело представилось в новом свете. Бен перестал жевать яблоко. Том осторожно водил кистью взад и вперед, останавливаясь время от времени, чтобы полюбоваться результатом, добавлял мазок, другой, опять любовался результатом, а Бен следил за каждым его движением, проявляя все больше и больше интереса к делу. Вдруг он сказал:

– Слушай, Том, дай мне побелить немножко.

Том задумался и сначала как будто готов был согласиться, а потом вдруг передумал.

– Нет, Бен, все равно ничего не выйдет. Тетя Полли прямо трясется над этим забором; понимаешь, он выходит на улицу, – если б это была та сторона, что во двор, она бы слова не сказала, да и я тоже. Она прямо трясется над этим забором. Его знаешь как надо белить? По-моему, разве один мальчик из целой тысячи, а то и из двух тысяч сумеет выбелить его как следует.

– Да что ты? Слушай, пусти хоть попробовать, хоть чуть-чуть. Том, я бы тебя пустил, если б ты был на моем месте.

– Бен, я бы с радостью, честное индейское! Да ведь как быть с тетей Полли? Джиму тоже хотелось покрасить, а она не позволила. Сиду хотелось, она и Сиду не позволила. Видишь, какие дела? Ну-ка, возмешься ты белить забор, а вдруг что-нибудь...

– Да что ты, Том, я же буду стараться. Ну пусти, я попробую. Слушай, я тебе дам серединку от яблока.

– Ну, ладно... Хотя нет, Бен, лучше не надо. Я боюсь.

– Я все яблоко тебе отдам!

Том выпустил кисть из рук с виду не очень охотно, зато с ликованием в душе. И пока бывший пароход «Большая Миссури» трудился в поте лица на солнцепеке, удалившийся от дел художник, сидя в тени на бочонке, болтал ногами, жевал яблоко и обдумывал дальнейший план избиения младенцев. За ними дело не стало. Мальчики ежеминутно пробегали по улице; они подходили, чтобы посмеяться над Томом, – и оставались белить забор. Когда Бен выдохся, Том продал следующую очередь Билли Фишеру за подержанного бумажного змея, а когда тот устал белить, Джонни Миллер купил очередь за дохлую крысу с веревочкой, чтобы удобнее было вертеть, и т. д., и т. д., час за часом. К середине дня из бедного мальчика, близкого к нищете, Том стал богачом и буквально утопал в роскоши. Кроме уже перечисленных богатств, у него имелось: двенадцать шариков, сломанная губная гармоника, осколок синего бутылочного стекла, чтобы глядеть сквозь него, пустая катушка, ключ, который ничего не отпирал, кусок мела, хрустальная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопущек, одноглазый котенок, медная дверная ручка, собачий ошейник без собаки, черенок от ножа, четыре куска апельсиновой корки и старая оконная рама. Том отлично провел все это время, ничего не делая и веселясь, и забор был покрыт известкой в три слоя! Если б у него не кончилась известка, он разорил бы всех мальчишек в городе.

Том подумал, что жить на свете не так уж плохо. Сам того не подозревая, он открыл великий закон, управляющий человеческими действиями, а именно: для того чтобы мальчику или взрослому захотелось чего-нибудь, нужно только одно – чтобы этого было нелегко добиться. Если бы Том был великим и мудрым мыслителем, вроде автора этой книги, он сделал бы вывод, что Работа – это то, что человек обязан делать, а Игра – то, чего он делать не обязан. И это помогло бы ему понять, почему делать искусственные цветы или носить воду в решете есть работа, а сбивать кегли или восходить на Монблан – забава. Есть в Англии такие богачи, которым нравится в летнюю пору править почтовой каретой, запряженной четвериком, потому что это стоит им бешеных денег; а если б они получали за это жалованье, игра превратилась бы в работу и потеряла бы для них всякий интерес.

Том раздумывал еще некоторое время над той существенной переменой, какая произошла в его обстоятельствах, а потом отправился с донесением в главный штаб.

Глава третья

Том явился к тете Полли, которая сидела у открытого окна в очень уютной комнате, служившей одновременно спальней, гостиной, столовой и библиотекой. Мягкий летний воздух, успокаивающая тишина, запах цветов и усыпляющее гудение пчел оказали свое действие, и она задремала над вязаньем, потому что разговаривать ей было не с кем, кроме кошки, да и та спала у нее на коленях. Очки, безопасности ради, были подняты у нее выше лба. Она думала, что Том давным-давно сбежал, и удивилась, что он сам так безбоязненно идет к ней в руки. Он сказал:

- Можно мне теперь пойти поиграть, тетя?
- Как, уже? Сколько же ты сделал?
- Все, тетя.
- Том, не сочиняй, – я этого не люблю.
- Я не сочиняю, тетя, – все готово.

Тетя Полли не имела привычки верить на слово. Она пошла посмотреть сама и была бы довольна, если бы слова Тома оказались правдой хотя бы на двадцать процентов.

Когда же она увидела, что выбелен весь забор, и не только выбелен, но и покрыт известкой в два и даже три слоя и вдобавок по земле проведена белая полоса, то ее удивление перешло всякие границы. Она сказала:

– Ну-ну! Нечего сказать, работать ты можешь, когда захочешь, Том. – Но тут же разбавила комплимент водой: – Жаль только, что это очень редко с тобой бывает. Ну, ступай играть, да приходи домой вовремя, не то выдеру.

Она была настолько поражена блестящими успехами Тома, что повела его в чулан, выбрала самое большое яблоко и преподнесла ему с назидательной речью о том, насколько дороже и приятней бывает награда, если она заработана честно, без греха, путем добродетельных стараний. И пока она заканчивала свою речь очень кстати подвернувшимся текстом из писания, Том успел стянуть у нее за спиной пряник.

Он вприпрыжку выбежал из комнаты и увидел, что Сид поднимается по наружной лестнице в пристройку второго этажа. Комья земли, которых много было под рукой, замелькали в воздухе. Они градом сыпались вокруг Сиды, и, прежде чем тетя Полли успела опомниться от удивления и прийти на выручку, пять-шесть комьев попали в цель, а Том перемахнул через забор и скрылся. В заборе была калитка, но у него, как и всегда, времени было в обрез, – до калитки ли тут. Теперь душа его успокоилась: он отплатил Сиду за то, что тот подвел его, обратив внимание тети Полли на черную нитку.

Том обошел свой квартал стороной и свернул в грязный переулок мимо коровника тети Полли. Он благополучно миновал опасную зону, избежав пленения и казни, и побежал на городскую площадь, где, по предварительному уговору, уже строились в боевом порядке две армии. Одной из них командовал Том, а другой – его закадычный друг Джо Гарпер. Оба великих полководца не унижались до того, чтобы сражаться самим, – это больше подходило всякой мелюзге, – они сидели вместе на возвышении и руководили военными действиями, рассылая приказы через адъютантов.

После долгого и жестокого боя армия Тома одержала большую победу. Подсчитали убитых, обменялись пленными, уговорились, когда объявлять войну и из-за чего драться в следующий раз, и назначили день решительного боя; затем обе армии построились походным порядком и ушли, а Том в одиночестве отправился домой.

Проходя мимо того дома, где жил Джеф Тэтчер, он увидел в саду незнакомую девочку – прелестное голубоглазое существо с золотистыми волосами, заплетенными в две длинные косы, в белом летнем платье и вышитых панталончиках. Только что увенчанный лаврами

герой сдался в плен без единого выстрела. Некая Эми Лоуренс мгновенно испарилась из его сердца, не оставив о себе даже воспоминания. Он думал, что любит ее без памяти, думал, что будет обожать ее вечно, а оказалось, что это всего-навсего мимолетное увлечение. Он несколько месяцев добивался взаимности, она всего неделю тому назад призналась ему в любви; только семь коротких дней он был счастлив и горд, как никто на свете, – и вот в одно мгновение она исчезла из его сердца, как малознакомая гостья, которая побыла недолго и ушла.

Он поклонялся новому ангелу издали, пока не увидел, что она его заметила; тогда он притворился, будто не видит, что она здесь, и начал ломаться на разные лады, как это принято у мальчишек, стараясь ей понравиться и вызвать ее восхищение. Довольно долго он выкидывал всякие дурацкие штуки и вдруг, случайно взглянув в ее сторону во время какого-то головоломного акробатического фокуса, увидел, что девочка повернулась к нему спиной и направляется к дому. Том подошел к забору и прислонился к нему в огорчении, надеясь все-таки, что она побудет в саду еще немножко. Она постояла минутку на крыльце, потом повернулась к двери. Когда она перешагнула порог, Том тяжело вздохнул. Но тут же просиял: прежде чем исчезнуть, девочка перебросила через забор цветок – анютины глазки. Том подбежал к забору и остановился шагах в двух от цветка, потом прикрыл глаза ладонью и стал всматриваться куда-то в даль, словно увидел в конце улицы что-то очень интересное. Потом поднял с земли соломинку и начал устанавливать ее на носу, закинув голову назад; двигаясь ближе и ближе, подходил к цветку и в конце концов наступил на него босой ногой, – гибкие пальцы захватили цветок, и, прыгая на одной ноге, Том скрылся за углом. Но только на минуту, пока засовывал цветок под куртку, поближе к сердцу, – а может быть, и к желудку: он был не слишком силен в анатомии и не очень разбирался в таких вещах.

После этого он вернулся к забору и слонялся около него до самой темноты, ломаясь по-прежнему. Но девочка больше не показывалась, и Том утешал себя мыслью, что она, может быть, подходила в это время к окну и видела его старания. Наконец он очень неохотно побрел домой, совсем замечтавшись.

За ужином он так разошелся, что тетка только удивлялась: «Какой бес вселился в этого ребенка?» Ему здорово влетело за то, что он бросал землей в Сиду, но он и ухом не повел. Он попробовал стащить кусок сахара под самым носом у тетки и получил за это по рукам. Он сказал:

– Тетя, вы же не бьете Сиду, когда он таскает сахар.

– Но Сид никогда не выводит человека из терпения так, как ты. Ты не вылезал бы из сахарницы, если б я за тобой не следила.

Скоро она ушла на кухню, и Сид, обрадовавшись своей безнаказанности, потащил к себе сахарницу; такое хвастовство было просто невозможно стерпеть. Но... пальцы Сиды скользнули по сахарнице, она упала и разбилась. Том был в восторге. В таком восторге, что даже придержал язык и смолчал. Он решил, что не скажет ни слова, даже когда войдет тетя Полли, а будет сидеть смирно, пока она не спросит, кто это сделал. Вот тогда он скажет и полюбуется, как влетит «любимчику», – ничего не может быть приятнее! Он был до того переполнен радостью, что едва сдерживался, когда тетя вошла из кухни и остановилась над осколками, бросая молниеносные взоры поверх очков. Про себя он думал, затаив дыхание: «Вот, вот, сию минуту!» И в следующий миг растянулся на полу! Могущественная длань была уже занесена над ним снова, когда Том возопил:

– Да погодите же, за что вы меня лупите? Это Сид разбил!

Тетя Полли замерла от неожиданности, и Том ждал, не пожалеет ли она его. Но как только дар слова вернулся к ней, она сказала:

– Гм! Ну, я думаю, тебе все же не зря влетело! Уж наверно ты чего-нибудь еще натворил, пока меня тут не было.

Потом совесть упрекнула ее, и ей захотелось сказать что-нибудь ласковое и любящее; но она рассудила, что это будет понято как признание в том, что она виновата, а дисциплина этого не допускает. И она промолчала и занялась своими делами, хотя на сердце у нее было неспокойно. Том сидел, надувшись, в углу и растравлял свои раны. Он знал, что в душе тетка стоит перед ним на коленях, и мрачно наслаждался этим сознанием. Он не подаст и виду, будто бы ничего не замечает. Он знал, что время от времени она посылает ему тоскующий взор сквозь слезы, но не желал ничего замечать. Он воображал, будто лежит при смерти и тетя Полли склоняется над ним, вымаливая хоть слово прощения, но он отвернется к стене и умрет, не произнеся этого слова. Что она почувствует тогда? И он вообразил, как его приносят мертвого домой, вытащив из реки: его кудри намокли, измученное сердце перестало биться. Как она тогда упадет на его бездыханный труп и слезы у нее польются рекой, как она будет молить бога, чтоб он вернул ей ее мальчика, тогда она ни за что больше его не обидит! А он будет лежать бледный и холодный, ничего не чувствуя, – бедный маленький страдалец, претерпевший все мучения до конца! Он так расчувствовался от всех этих возвышенных мечтаний, что глотал слезы и давился ими, ничего не видя, а когда он мигал, слезы текли по щекам и капали с кончика носа. И он так наслаждался своими горестями, что не в силах был допустить, чтобы какая-нибудь земная радость или раздражающее веселье вторглись в его душу; он оберегал свою скорбь, как святыню. И потому, когда в комнату впорхнула его сестрица Мэри, вся сияя от радости, что возвращается домой после бесконечной недели, проведенной в деревне, он встал и вышел в одну дверь, окруженный мраком и грозowymi тучами, в то время как ликование и солнечный свет входили вместе с Мэри в другую.

Он бродил далеко от тех улиц, где обычно играли мальчики, выискивая безлюдные закоулки, которые соответствовали бы его настроению. Плот на реке показался ему подходящим местом, и он уселся на самом краю, созерцая мрачную пелену реки и желая только одного: утонуть сразу и без мучений, не соблюдая тягостного порядка, заведенного природой. Тут он вспомнил про цветок, извлек его из кармана, помятый и увядший, и это еще усилило его скорбное блаженство. Он стал думать о том, пожалела ли бы она его, если б знала. Может, заплакала бы, захотела бы обнять и утешить. А может, отвернулась бы равнодушно, как и весь холодный свет. Эта картина так растрогала его и довела его муки до такого приятно-расслабленного состояния, что он мысленно повертывал ее и так и сяк, рассматривая в разном освещении, пока ему не надоело. Наконец он поднялся на ноги со вздохом и скрылся в темноте.

Вечером, около половины десятого, он шел по безлюдной улице к тому дому, где жила прелестная незнакомка. Дойдя до него, он постоял с минуту: ни одного звука не уловило его настороженное ухо; свеча бросала тусклый свет на штору в окне второго этажа. Не там ли незримо присутствует незнакомка? Он перелез через забор, осторожно перебрался через клумбы с цветами и стал под окном; долго и с волнением глядел на него, задрав голову кверху; потом улегся на землю, растянувшись во весь рост, сложив руки на груди и прижимая к ней бедный, увядший цветок. Так вот он и умрет – один на белом свете, – ни крова над бесприютной головой, ни дружеской участливой руки, которая утерла бы предсмертный пот с его холодящего лба, ни любящего лица, которое с жалостью склонилось бы над ним в последний час. Наступит радостное утро, а она увидит его бездыханный труп. Но ах! – проронит ли она хоть одну слезинку над его телом, вздохнет ли хоть один раз о том, что так безвременно погибла молодая жизнь, подкошенная жестокой рукой во цвете лет?

Окно открылось, резкий голос прислуги осквернил священную тишину, и целый потоп хлынул на распростертые останки мученика!

Герой едва не захлебнулся и вскочил на ноги, отфыркиваясь. В воздухе просвистел камень вместе с невнятной бранью, зазвенело стекло, разлетаясь вдребезги, коротенькая, смутно видная фигурка перескочила через забор и растаяла в темноте.

Когда Том, уже раздевшись, разглядывал при свете сального огарка промокшую насквозь одежду, Сид проснулся; но если у него и было какое-нибудь желание попрекнуть и намекнуть, то он передумал и смолчал, заметив по глазам Тома, что это небезопасно.

Том улегся в постель, не считая нужным обременять себя молитвой, и Сид мысленно отметил это упущение.

Глава четвертая

Солнце вошло над безмятежной землей и осияло с высоты мирный городок, словно благословляя его. После завтрака тетя Полли собрала всех на семейное богослужение; оно началось с молитвы, построенной на солидном фундаменте из библейских цитат, скрепленных жиденьким цементом собственных добавлений; с этой вершины, как с горы Синай, она и возвестила суровую главу закона Моисеева.

После этого Том препоясал чресла и приступил к заучиванию стихов из библии. Сид еще несколько дней назад выучил свой урок. Том приложил все силы, для того чтобы затвердить наизусть пять стихов, выбрав их из нагорной проповеди, потому что нигде не было стихов короче.

Через полчаса у Тома сложилось довольно смутное представление об уроке, потому что его голова была занята всем чем угодно, кроме урока, а руки непрерывно двигались, развлекаясь каким-нибудь посторонним делом.

Мэри взяла у него книжку, чтобы выслушать урок, и Том начал спотыкаться, кое-как пробираясь сквозь туман:

– Блаженны... э-э...

– Нищие...

– Да, нищие; блаженны нищие... э-э-э...

– Духом...

– Духом; блаженны нищие духом, ибо их... ибо они...

– Ибо их...

– Ибо их... Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное. Блаженны плачущие, ибо они... ибо они...

– У...

– Ибо они... э...

– У-те...

– Ибо они у-те... Ну, я не помню, как там дальше! Блаженны ибо плачущие, ибо они... ибо плачущие... а дальше как? Ей-богу, не знаю! Что же ты не подскажешь, Мэри? Как тебе не стыдно меня дразнить?

– Ах, Том, дурачок ты этакий, вовсе я тебя не дразню, и не думаю даже. Просто тебе надо как следует выучить все сначала. Ничего, Том, выучишь как-нибудь, а когда выучишь, я тебе подарю одну очень хорошую вещь. Ну, будь же умницей!

– Ладно! А какую вещь, Мэри, ты только скажи?

– Не все ли тебе равно. Раз я сказала, что хорошую, значит, хорошую.

– Ну да уж ты не обманешь. Ладно, я пойду приналягу.

Том «приналег» – и под двойным давлением любопытства и предстоящей награды приналег с таким воодушевлением, что добился блестящих успехов. За это Мэри подарила ему новенький перочинный ножик с двумя лезвиями ценой в двенадцать с половиной центов; и нахлынувший на Тома восторг потряс его до основания. Правда, ножик совсем не резал, зато это была не какая-нибудь подделка, а настоящий ножик фирмы «Барлоу», в чем и заключалось его непостижимое очарование; хотя откуда мальчики Западных штатов взяли, что это грозное оружие можно подделать и что подделка была бы хуже оригинала, совершенно неизвестно и, надо полагать, навсегда останется тайной. Том ухитрился изрезать этим ножиком буфет и уже подбирался к комоду, как его позвали одеваться в воскресную школу.

Мэри дала ему жестяной таз, полный воды, и кусок мыла; он вышел за дверь и поставил таз на скамейку, потом окунул мыло в воду и опять положил его на место; закатал рукава, осто-

рожно вылил воду на землю, потом вошел в кухню и начал усердно тереть лицо полотенцем, висевшим за дверью. Но Мэри отняла у него полотенце, сказав:

– Как тебе не стыдно, Том. Умойся как следует. От воды тебе ничего не сделается.

Том немножко смутился. В таз опять налили воды; и на этот раз он постоял над ним некоторое время, собираясь с духом, потом набрал в грудь воздуха и начал умываться. Когда Том после этого вошел в кухню, зажмурив глаза и ощупью отыскивая полотенце, по его щекам текла мыльная пена, честно свидетельствуя о понесенных трудах. Однако, когда он отнял от лица полотенце, оказалось, что вид у него не совсем удовлетворительный, чистыми были только щеки и подбородок, которые белели, как маска, а ниже и выше начиналась темная полоса неорошенной почвы, которая захватывала шею и спереди и сзади. Тогда Мэри взялась за него сама, и, выйдя из ее рук, он уже ничем не отличался по цвету кожи от своих бледнолицых братьев; мокрые волосы были аккуратно приглажены щеткой, их короткие завитки лежали ровно и красиво. (Том потихоньку старался распрямить свои кудри, прилагая много трудов и стараний, чтобы они лежали на голове как приклеенные; ему казалось, что с кудрями он похож на девчонку, и это очень его огорчало.) Потом Мэри достала из шкафа костюм, который вот уже два года Том надевал только по воскресеньям и который назывался «другой костюм», на основании чего мы можем судить о богатстве его гардероба. После того как он оделся сам, Мэри привела его в порядок: она застегнула на нем чистенькую курточку до самого подбородка, отвернула книзу широкий воротник и расправила его по плечам, почистила Тома щеткой и надела ему соломенную шляпу с крапинками. Теперь он выглядел очень нарядно и чувствовал себя очень неловко: новый костюм и чистота стесняли его, чего он терпеть не мог. Он надеялся, что Мэри забудет про башмаки, но эта надежда не сбылась: Мэри хорошенько смазала их салом, как полагается, и принесла ему. Том вышел из терпения и заворчал, что его вечно заставляют делать то, чего ему не хочется. Но Мэри ласково уговорила его:

– Пожалуйста, Том, будь умницей.

И Том, ворча, надел башмаки. Мэри оделась в одну минуту, и дети втроем отправились в воскресную школу, которую Том ненавидел от всей души, а Сид и Мэри любили.

В воскресной школе занимались с девяти до половины одиннадцатого, а потом начиналась проповедь. Двое из детей оставались на проповедь добровольно, а третий тоже оставался – по иным, более существенным причинам.

На жестких церковных скамьях с высокими спинками могло поместиться человек триста; церковь была маленькая, без всяких украшений, с колокольной на крыше, похожей на узкий деревянный ящик. В дверях Том немного отстал, чтобы поговорить с одним приятелем, тоже одетым по-воскресному:

– Послушай, Билли, есть у тебя желтый билетик?

– Есть.

– Что ты просишь за него?

– А ты что дашь?

– Кусок лакрицы и рыболовный крючок.

– Покажи.

Том показал. Приятель остался доволен, и они обменялись ценностями. После этого Том променял два белых шарика на три красных билетика и еще разные пустяки – на два синих. Он еще около четверти часа подстерегал подходящих мальчиков и покупал у них билетики разных цветов. Потом он вошел в церковь вместе с ватагой чистеньких и шумливых мальчиков и девочек, уселся на свое место и завел ссору с тем из мальчиков, который был поближе. Вмешался важный пожилой учитель; но как только он повернулся к ним спиной, Том успел дернуть за волосы мальчишку, сидевшего перед ним, и уткнулся в книгу, когда этот мальчик оглянулся; тут же он кольнул булавкой другого мальчика, любопытствуя послушать, как тот заорет: «Ой!», и получил еще один выговор от учителя. Весь класс Тома подобрался на один лад – все были

беспокойные, шумливые и непослушные. Выходя отвечать урок, ни один из них не знал стихов как следует, всем надо было подсказывать. Однако они кое-как добирались до конца, и каждый получал награду – маленький синий билетик с текстом из священного писания; каждый синий билетик был платой за два выученных стиха из библии. Десять синих билетиков равнялись одному красному, их можно было обменять на красный билетик; десять красных билетиков равнялись одному желтому; а за десять желтых директор школы давал ученику библию в дешевом переплете (стоившую в то доброе старое время сорок центов). У многих ли из моих читателей найдется столько усердия и прилежания, чтобы заучить наизусть две тысячи стихов, даже за библию с рисунками Доре? Но Мэри заработала таким путем две библии – в результате двух лет терпения и труда, а один мальчик из немцев даже четыре или пять. Он как-то прочел наизусть три тысячи стихов подряд, не останавливаясь; но такое напряжение умственных способностей оказалось ему не по силам, и с тех пор он сделался идиотом, – большое несчастье для школы, потому что во всех торжественных случаях, при посетителях, директор всегда вызывал этого ученика и заставлял его «из кожи лезть», по выражению Тома. Только старшие ученики умудрялись сохранить свои билетики и проскучать над зубрежкой достаточно долго, чтобы получить в подарок библию, и потому выдача этой награды была редким и памятным событием; удачливый ученик в этот день играл такую важную и заметную роль, что сердце каждого школьника немедленно загоралось честолюбием, которого хватало иногда на целых две недели. Быть может, Том не был одержим духовной жадностью настолько, чтобы стремиться к этой награде, но нечего и сомневаться в том, что он всем своим существом жаждал славы и блеска, которые приобретались вместе с ней.

Как водится, директор школы стал перед кафедрой, держа молитвенник в руках, и, заложив его пальцем, потребовал внимания. Когда директор воскресной школы произносит обычную коротенькую речь, то молитвенник в руках ему так же необходим, как ноты певице, которая стоит на эстраде, готовясь пропеть соло, – хотя почему это нужно, остается загадкой: оба эти мученика никогда не заглядывают ни в молитвенник, ни в ноты. Директор был невзрачный человечек лет тридцати пяти, с рыжеватой козлиной бородкой и коротко подстриженными рыжеватыми волосами, в жестком стоячем воротничке, верхний край которого подпирал ему уши, а острые углы выставлялись вперед, доходя до уголков рта. Этот воротник, похожий на забор, заставлял его глядеть только прямо перед собой и поворачиваться всем телом, когда надо было посмотреть вбок; подбородком учитель упирался в галстук шириной в банковый билет, с бахромой на концах; носки его ботинок были по моде сильно загнуты кверху, напоподобие лыж, – результат, которого молодые люди того времени добивались упорным трудом и терпением, просиживая целые часы у стенки с прижатыми к ней носками. С виду мистер Уолтерс был очень серьезен, а в душе честен и искренен; он так благоговел перед всем, что свято, и настолько отделял духовное от светского, что незаметно для себя самого в воскресной школе он даже говорил совсем другим голосом, не таким, как в будние дни. Свою речь он начал таким образом:

– А теперь, дети, я попрошу вас сидеть как можно тише и прямее и минуту-другую слушать меня как можно внимательнее. Вот так. Именно так и должны себя вести хорошие дети. Я вижу, одна девочка смотрит в окно; кажется, она думает, что я где-нибудь там, – может быть, сижу на дереве и беседую с птичками. (Одобрительный смех.) Мне хочется сказать вам, как приятно видеть, что столько чистеньких веселых детских лиц собралось здесь для того, чтобы научиться быть хорошими.

И так далее, и тому подобное. Нет никакой надобности приводить здесь конец этой речи. Она была составлена по неизменному образцу, а потому мы все с ней знакомы.

Последняя треть его речи была несколько омрачена возобновившимися среди озорников драками и иными развлечениями, а также шепотом и движением, которые постепенно распространялись все дальше и дальше и докатились даже до подножия таких одиноких и незыблемых

столпов, как Сид и Мэри. Но с последним словом мистера Уолтерса всякий шум прекратился, и конец его речи был встречен благодарным молчанием.

Перешептывание было отчасти вызвано событием более или менее редким – появлением гостей: судьи Тэтчера в сопровождении какого-то совсем дряхлого старичка, представительного джентльмена средних лет с седеющими волосами и величественной дамы, должно быть его жены. Дама вела за руку девочку. Тому Сойеру не сиделось на месте, он был встревожен и не в духе, а кроме того, его грызла совесть – он избегал встречаться глазами с Эми Лоуренс, не мог вынести ее любящего взгляда. Но как только он увидел маленькую незнакомку, вся душа его наполнилась блаженством. В следующую минуту он уже старался изо всех сил: колотил мальчишек, дергал их за волосы, строил рожи – одним словом, делал все возможное, чтобы очаровать девочку и заслужить ее одобрение. Его радость портило только одно – воспоминание о том, как его облили помоями в саду этого ангела, но и это воспоминание быстро смыли волны счастья, нахлынувшие на его душу.Guestы усадили на почетное место и, как только речь мистера Уолтерса была окончена, их представили всей школе. Джентльмен средних лет оказался очень важным лицом – не более и не менее как окружным судьей, самой высокопоставленной особой, какую приходилось видеть детям. Им любопытно было знать, из какого материала он создан, и хотелось услышать, как он рычит, но вместе с тем было и страшно. Он приехал из Константинополя, за двенадцать миль отсюда, – следовательно, путешествовал и видел свет: вот этими самыми глазами видел здание окружного суда, о котором ходили слухи, будто оно под железной крышей. О благоговении, которое вызывали такие мысли, говорили торжественное молчание и ряды почтительно взирающих глаз. Ведь это был знаменитый судья Тэтчер, брат здешнего адвоката. Джеф Тэтчер немедленно вышел вперед, на зависть всей школе, и показал, что он коротко знаком с великим человеком. Если б он мог слышать шепот, поднявшийся кругом, то этот шепот услаждал бы его душу, как музыка:

– Погляди-ка, Джим! Идет туда. Гляди, протянул ему руку – здоровается! Вот ловко! Скажи, небось хочется быть на месте Джефа?

Мистер Уолтерс старался, проявляя необыкновенную распорядительность и расторопность, отдавая приказания, делая замечания и рассыпая выговоры направо и налево, кому придется. Библиотекарь старался, бегая взад и вперед с охапками книг и производя ненужный шум, какой любит поднимать мелкотравчатое начальство. Молоденькие учительницы старались, ласково склоняясь над учениками, которых не так давно драли за уши, грозя пальчиком маленьким шалунам и глядя по головке послушных. Молодые учителя старались, делая строгие выговоры и на все лады проявляя власть и поддерживая дисциплину. Почти всем учителям сразу понадобилось что-то в книжном шкафу рядом с кафедрой; и они наведывались туда раза по два, по три, и каждый раз будто бы нехотя. Девочки тоже старались как могли, а мальчики старались так усердно, что жеваная бумага и затрешины сыпались градом. И над всем этим восседал великий человек, благосклонно улыбаясь всей школе снисходительной улыбкой судьи и греясь в лучах собственной славы, – он тоже старался.

Одного только не хватало мистеру Уолтерсу для полного счастья: возможности вручить наградную библию и похвастаться чудом учености. У некоторых школьников имелись желтые билетики, но ни у кого не было столько, сколько надо, – он уже опросил всех первых учеников. Он бы отдал все на свете за то, чтобы к немецкому мальчику вернулись умственные способности. И в ту самую минуту, когда всякая надежда покинула его, вперед выступил Том Сойер с девятью желтыми билетиками, девятью красными и десятью синими и потребовал себе библию. Это был гром среди ясного неба. Мистер Уолтерс никак не ожидал, что Том может потребовать библию, – по крайней мере в течение ближайших десяти лет. Но делать было нечего – налицо были подписанные счета, и по ним надо было платить. Тома пригласили на возвышение, где сидел судья и другие избранные, и великая новость была провозглашена с кафедры. Это было самое поразительное событие за последние десять лет, и впечатление оказалось настолько

потрясающим, что новый герой сразу вознесся до уровня судьи, и вся школа созерцала теперь два чуда вместо одного. Всех мальчиков терзала зависть, а больше других страдали от жесточайших угрызений именно те, кто слишком поздно понял, что они сами помогли возвышению ненавистного выскочки, променяв ему билетики на те богатства, которые он нажил, уступая другим свое право белить забор. Они сами себя презирали за то, что дались в обман хитрому проныре и попались на удочку.

Награда была вручена Тому с такой прочувствованной речью, какую только мог выжать из себя директор при создавшихся обстоятельствах, но в ней не доставало истинного вдохновения, – бедняга чувствовал, что тут кроется какая-то тайна, которую вряд ли удастся вывести из мрака на свет: просто быть не может, чтобы этот мальчишка собрал целых две тысячи библейских снопов в житницу свою, когда известно, что ему не запомнить и двенадцати. Эми Лоуренс и гордилась, и радовалась, и старалась, чтобы Том это заметил по ее лицу, но он не глядел на нее. Она задумалась; потом слегка огорчилась; потом у нее возникло смутное подозрение – появилось, исчезло и возникло снова; она стала наблюдать; один беглый взгляд сказал ей очень многое – и тут ее поразила удар в самое сердце: от ревности и злобы она чуть не заплакала и возненавидела всех на свете, а больше всех Тома, – так ей казалось.

Тома представили судье; но язык у него прилип к гортани, сердце усиленно забилося, и он едва дышал – отчасти подавленный грозным величием этого человека, но главным образом тем, что это был ее отец. Он бы с радостью упал перед судьей на колени, если бы в школе было темно. Судья погладил Тома по голове, назвал его славным мальчиком и спросил, как его зовут. Мальчик раскрыл рот, запнулся и едва выговорил:

– Том.

– Нет, не Том, а...

– Томас.

– Ну, вот это так. Я так и думал, что оно немножко длиннее. Очень хорошо. Но у тебя, само собой, есть и фамилия, и ты мне ее, конечно, скажешь?

– Скажи джентльмену, как твоя фамилия, Томас, – вмешался учитель, – и не забывай говорить «сэр». Веди себя как следует.

– Томас Сойер... сэр.

– Вот так! Вот молодец. Славный мальчик. Славный маленький человечек. Две тысячи стихов – это очень много, очень, очень много. И никогда не жалею, что потратил на это столько трудов: знание дороже всего на свете – это оно делает нас хорошими людьми и даже великими людьми; ты и сам когда-нибудь станешь хорошим человеком, великим человеком, Томас, и тогда ты оглянешься на пройденный путь и скажешь: «Всем этим я обязан тому, что в детстве имел счастье учиться в воскресной школе, – моим дорогим учителям, которые показали мне дорогу к знанию, моему доброму директору, который поощрял меня, следил за мной и подарил мне прекрасную библию – роскошную, изящную библию, которая станет моей собственностью и будет храниться у меня всю жизнь, – и все это благодаря тому, что меня правильно воспитывали! Вот что ты скажешь, Томас, и эти две тысячи стихов станут тебе дороже всяких денег, – да, да, дороже. А теперь не расскажешь ли ты мне и вот этой леди что-нибудь из того, что ты выучил? Конечно, расскажешь, потому что мы гордимся мальчиками, которые так хорошо учатся. Без сомнения, тебе известны имена всех двенадцати апостолов? Может быть, ты скажешь нам, как звали тех двоих, которые были призваны первыми?»

Том все это время теребил пуговицу и застенчиво глядел на судью. Теперь он покраснел и опустил глаза. Душа мистера Уолтерса ушла в пятки. Про себя он подумал: ведь мальчишка не может ответить даже на самый простой вопрос, и чего это судье вздумалось его спрашивать? Однако он чувствовал, что обязан что-то сказать.

– Отвечай джентльмену, Томас, не бойся.

Том все молчал.

- Я знаю, мне он скажет, – вмешалась дама. – Первых двух апостолов звали...
 - Давид и Голиаф!
- Опустим же завесу милосердия над концом этой сцены.

Глава пятая

Около половины одиннадцатого зазвонил надтреснутый колокол маленькой церкви, а скоро начал собираться и народ к утренней проповеди. Ученики воскресной школы разбрелись по всей церкви и расселись по скамейкам вместе с родителями, чтобы быть все время у них на глазах. Пришла и тетя Полли. Сид и Мэри сели рядом с ней, а Тома посадили поближе к проходу, как можно дальше от раскрытого окна и соблазнительных летних видов. Прихожане заполнили оба придела: престарелый и неимущий почтмейстер, знавший лучшие дни; мэр со своей супругой, – ибо в городишке имелся и мэр вместе с прочими ненужностями; судья; вдова Дуглас – красивая, нарядная женщина лет сорока, добрая душа, всем известная своей щедростью и богатством, владелица единственного барского дома во всем городе, гостеприимная хозяйка и устроительница самых блестящих праздников, какими мог похвастать Сент-Питерсберг; почтенный и согнутый в дугу майор Уорд со своей супругой; адвокат Риверсон, новоявленная знаменитость, приехавшая откуда-то издалека; местная красавица в сопровождении стайки юных покорительниц сердец, разряженных в батист и ленты. Вслед за девицами ввалились целой гурьбой молодые люди, городские чиновники, – полукруг напomaженных вздыхателей стоял на паперти, посасывая набалдашники своих тросточек, пока девицы не вошли в церковь; и, наконец, после всех явился Примерный Мальчик Вилли Мафферсон со своей мамашей, с которой он обращался так бережно, как будто она была хрустальная. Он всегда сопровождал свою мамашу в церковь и был любимчиком городских дам. Зато все мальчишки его терпеть не могли, до того он был хороший; кроме того, Вилли постоянно ставили им в пример. Как и всегда по воскресеньям, белоснежный платочек торчал у него из заднего кармана – будто бы случайно. У Тома платка и в заводе не было, поэтому всех мальчиков, у которых были платки, он считал франтами.

После того как собралась вся паства, колокол прозвонил еще один раз, подгоняя лентяев и зевак, и в церкви водворилось торжественное молчание, нарушаемое только хихиканьем и перешептыванием певчих на хорах. Певчие постоянно шептались и хихикали в продолжение всей службы. Был когда-то один такой церковный хор, который вел себя прилично, только я позабыл, где именно. Это было что-то очень давно, и я почти ничего о нем не помню, но, по моему, это было не у нас, а где-то за границей.

Проповедник назвал гимн и с чувством прочел его от начала до конца на тот особый лад, который пользовался в здешних местах большим успехом. Он начал читать не очень громко и постепенно возвышал голос, затем, дойдя до известного места, сделал сильное ударение на последнем слове и словно прыгнул вниз с трамплина:

О, мне ль блаженствовать в раю, среди цветов покоясь,
Тогда как братья во Христе бредут в крови по пояс!

Он славился своим искусством чтения. На церковных собраниях его всегда просили почитать стихи, и как только он умолкал, все дамы поднимали кверху руки и, словно обессиленные, роняли их на колени, закатывали глаза и трясли головами, будто говоря: «Словами этого никак не выразишь, это слишком хорошо, слишком хорошо для нашей грешной земли».

После того как пропели гимн, его преподобие мистер Спрэг повернулся к доске объявлений и стал читать извещения о собраниях, сходках и тому подобном, пока всем не начало казаться, что он так и будет читать до второго пришествия, – странный обычай, которого до сих пор придерживаются в Америке, даже в больших городах, невзирая на множество газет. Нередко бывает, что чем меньше оправданий какому-нибудь укоренившемуся обычаю, тем труднее от него отделаться.

А потом проповедник стал молиться. Это была очень хорошая, длинная молитва, и никто в ней не был позабыт: в ней молились и за церковь, и за детей, принадлежащих к этой церкви, и за другие церкви в городке, и за самый городок, и за родину, и за свой штат, и за всех чиновников штата, и за все Соединенные Штаты, и за все церкви Соединенных Штатов, и за конгресс, и за президента, и за всех должностных лиц; за бедных моряков, плавающих по бурному морю, за угнетенные народы, стонущие под игом европейских монархов и восточных деспотов; за тех, кому открыт свет евангельской истины, но они имеют уши и не слышат, имеют глаза и не видят; за язычников на дальних островах среди моря; а заключалась она молением, чтобы слова проповедника были услышаны и пали на добрую почву, чтобы семена, им посеянные, взошли во благовремение и дали обильный урожай. Аминь.

Зашелестели юбки, и поднявшиеся со своих мест прихожане снова уселись. Мальчик, о котором повествует эта книга, нисколько не радовался молитве: он едва ее вытерпел, и то через силу. Во все время молитвы он вертелся на месте; не вникая в суть, он подсчитывал, за что уже молились, – слушать он не слушал, но самая суть давно была ему наизусть известна, известно было также, что после чего будет сказано. И когда пастор вставлял от себя что-нибудь новенькое, Том ловил ухом непривычные слова, и вся его натура возмущалась: он считал такие прибавления нечестными и жульническими. В середине молитвы на спинку скамьи перед Томом уселась муха и долго не давала ему покоя – она то потирала сложенные вместе лапки, то охватывала ими голову и с такой силой чесала ее, что голова чуть не отрывалась от туловища, а тоненькая, как ниточка, шея была вся на виду; то поглаживала крылья задними лапками и одергивала их, как будто это были фалды фрака; и вообще занималась своим туалетом так невозмутимо, словно знала, что находится в полной безопасности. Да так оно и было; как ни чесались у Тома руки поймать ее, они на это не поднимались: Том верил, что в один миг загубит свою душу, если выкинет такую штуку во время молитвы. Однако при последних словах проповедника его рука дрогнула и поползла вперед, и, как только сказано было «аминь», муха попала в плен. Тетя Полли поймала его на месте преступления и заставила выпустить муху.

Проповедник прочел текст из библии и пустился рассуждать скучным голосом о чем-то таком неинтересном, что многие прихожане начали клевать носом, хотя в сущности речь шла о преисподней и вечных муках, а число праведников, которым предназначено было спаситься, пастор довел до такой ничтожной цифры, что и спасать-то их не стоило. Том считал страницы проповеди: выйдя из церкви, он всегда знал, сколько страниц было прочитано, зато почти никогда не знал, о чем читали. Однако на этот раз он заинтересовался проповедью, хотя и ненадолго. Проповедник нарисовал величественную и трогательную картину того, как наступит царство божие на земле, и соберутся все народы, населяющие землю, и лев возляжет рядом с ягненком, а младенец поведет их. Но вся возвышенная мораль и поучительность этого величественного зрелища пропали для Тома даром: он думал только о том, какая это будет выигрышная роль для главного действующего лица, да еще на глазах у всех народов; и ему самому захотелось быть этим младенцем, конечно, при условии, что лев будет ручной.

После этого его мучения возобновились, потому что дальше пошли всякие сухие рассуждения. Но вдруг он вспомнил, какое у него имеется сокровище, и извлек его на свет. Это был большой черный жук со страшными челюстями – «щипач», как называл его Том. Он сидел в коробочке из-под пистонов. Первым делом жук вцепился ему в палец. Само собой, Том отдернул палец, жук полетел в проход между скамейками и шлепнулся на спину, а палец Том засунул в рот. Жук лежал, беспомощно шевеля лапками, не в силах перевернуться. Том косился на него, всей душой стремясь его достать, но жук был очень далеко, так что никак нельзя было дотянуться. Другие прихожане, не чувствуя никакого интереса к проповеди, тоже нашли в жуке развлечение и начали искоса поглядывать на него. Тут в церковь забежал чей-то пудель, одурелый и разморенный от летней жары и тишины. Он соскучился в заточении и жаждал перемены. Завидев жука, он сразу ожил и завилял хвостом. Он оглядел добычу, обошел ее кру-

гом, обнюхал издали, еще раз обошел кругом; потом осмелел, подошел поближе и обнюхал; потом оскалил зубы и попробовал схватить жука, но промахнулся; попробовал еще и еще раз; начал входить во вкус этого занятия; улегся на живот, так чтобы жук был у него между передними лапами, и продолжал игру; наконец утомился играть с жуком и стал рассеян и невнимателен. Он начал клевать носом, голова его опустилась, мордой он дотронулся до жука, и тот в него вцепился. Раздался пронзительный визг, пудель замотал головой, жук отлетел шага на два в сторону и опять шлепнулся на спину. Зрители по соседству тряслись от смеха, некоторые уткнулись в платки, женщины закрылись веерами, а Том был совершенно счастлив. У пса был глупый вид, да он, должно быть, и чувствовал себя дураком, но в душе был полон возмущения и жаждал мести. Он подошел к жуку и осторожно атаковал его снова: стал ходить вокруг и бросаться на него со всех сторон, хватал лапами землю в каком-нибудь дюйме от жука, щелкал зубами еще ближе и мотал головой так, что уши болтались. Однако немного погодя ему опять надоело играть с жуком; он погнался за мухой, но не нашел в этом ничего интересного; побежал за муравьем, держа нос у самого пола, но и это ему скоро надоело; он зевнул, вздохнул и, совсем позабыв про жука, уселся на него! Раздался дикий вопль, полный боли, и пудель стрелой помчался по проходу; отчаянно воя, он пробежал перед алтарем, перескочил с одной стороны прохода на другую, заметался перед дверями, с воем пронесся обратно по проходу и, совсем одурев от боли, с молниеносной быстротой начал носиться по своей орбите, словно какая-то лохматая комета. В конце концов обезумевший от боли страдалец прыгнул на колени к хозяину; тот выкинул его за окно, и вой, полный скорби, все ослабевая, замер где-то в отдалении.

К этому времени все в церкви сидели с красными лицами, задыхаясь от подавленного смеха, а проповедь застыла на мертвой точке. Вскоре она возобновилась, но шла спотыкаясь и с перебоями, ибо не было никакой возможности заставить паству вникнуть в ее смысл: даже полные самой возвышенной скорби слова прихожане, укрывшись за высокой спинкой скамьи, встречали заглушенным взрывом нечестивого смеха, словно бедный проповедник отпустил что-то невероятно смешное. Для всех было истинным облегчением, когда эта пытка кончилась и проповедник благословил паству.

Том Сойер шел домой в самом веселом настроении, думая про себя, что и церковная служба бывает иногда не так уж плоха, если внести в нее хоть немножко разнообразия. Одна только мысль огорчала его: он ничего не имел против того, чтобы пудель поиграл с его жуком, но все-таки уносить жука с собой щенку не имел никакого права.

Глава шестая

В понедельник утром Том проснулся, чувствуя себя совершенно несчастным. В понедельник утром всегда так бывало, потому что с понедельника начиналась новая неделя мучений в школе. По понедельникам ему хотелось, чтобы в промежутке совсем не было воскресенья, тогда тюрьма и кандалы не казались бы такими ненавистными.

Том лежал и думал. И вдруг ему пришло в голову, что недурно было бы заболеть: тогда можно и не ходить в школу. Перед ним смутно забрезжил какой-то выход. Он исследовал свой организм. Никакой хвори не нашлось, и он принялся за дело снова. На этот раз ему показалось, что у него имеются все признаки колик в желудке, и он возложил надежду на них. Однако симптомы становились все слабее и слабее и, наконец, совсем исчезли. Он стал думать дальше и скоро нашел кое-что другое. Один верхний зуб у него шатался. Поздравив себя с удачей, Том уже собрался было застонать для начала, как вдруг ему пришло в голову, что, если он явится к тетке с такой жалобой, она просто-напросто выдернет ему зуб, а это очень больно. Он решил оставить зуб про запас и поискать чего-нибудь еще. Довольно долго ничего не подвертывалось, потом он вспомнил, как доктор рассказывал про одну болезнь, с которой пациент недели на две, на три укладывался в постель и мог совсем остаться без пальца. Он сейчас же выставил «больной» палец из-под простыни и стал его рассматривать. Только он не знал, какие должны быть симптомы болезни. Все же ему думалось, что попробовать стоит, и поэтому он принялся стонать с большим воодушевлением.

А Сид все спал, ничего не подозревая.

Том застонал громче, и ему показалось, что палец у него в самом деле начинает болеть.

Сид и ухом не повел.

Том совсем запыхался от натуги. Он перевел дух, потом собрался с силами и испустил подряд несколько самых замечательных стонов. Сид все храпел.

Том даже рассердился. Он позвал: «Сид, Сид!» – и потряс его. Это, конечно, подействовало, и Том опять принялся стонать. Сид зевнул, потянулся, чихнул, приподнялся на локте и стал глядеть на Тома. Том все стонал. Сид окликнул его:

– Том! Послушай, Том!

Никакого ответа.

– Да ну же! Том! Что с тобой, Том? – И Сид схватил его за плечи, испуганно заглядывая ему в глаза.

Том простонал:

– Оставь, Сид. Не трогай меня.

– Да что с тобой, Том? Я позову тетю.

– Нет, не надо. Это, может, само пройдет. Не зови никого.

– Ну как же не звать? Перестань, Том, не стони так ужасно. И давно это с тобой?

– Несколько часов. Ох! Ой, не ворочайся так, Сид, ты меня убьешь.

– Том, чего же ты меня раньше не разбудил? Ой, Том, перестань. Просто мороз по коже дерет тебя слушать. Том, да что с тобой?

– Я все тебе прощаю, Сид. (Стон.) Все, что ты мне сделал. Когда я умру...

– Ой, Том, ведь ты же не умираешь? Не надо, Том, ой, перестань. Может, еще...

– Я всех прощаю, Сид. (Стон.) Так и скажи им, Сид. А еще, Сид, отдай мою оконную раму и одноглазого котенка этой новой девочке, что недавно приехала, и скажи ей...

Но Сид схватил в охапку свою одежду и исчез. Том и в самом деле страдал теперь, так разыгралось его воображение, поэтому его стоны звучали довольно естественно.

Сид скатился вниз по лестнице и крикнул:

– Ой, тетя Полли, идите скорей! Том умирает.

– Умирает?

– Да, тетя, умирает! Чего же вы стоите – бегите скорей!

– Пустяки! Не верю!

Тем не менее она стрелой понеслась вверх, а за нею по пятам Сид и Мэри. Лицо у нее побелело, губы дрожали. Подбежав к постели, она с трудом вымолвила:

– Ну, Том! Том! Что с тобой такое?

– Ой, тетя, я...

– Что с тобой, Том, что такое с тобой случилось, мой мальчик?

– Ой, тетя, у меня на пальце гангрена!

Тетя Полли упала на стул и сначала засмеялась, потом заплакала, потом и то и другое вместе. Это вернуло ей силы, и она сказала:

– Ну, Том, что за фокусы ты со мной вытворяешь! Брось эти глупости и вставай.

Стоны прекратились, и боль в пальце совсем пропала. Том почувствовал себя довольно глупо и сказал:

– Тетя Полли, мне показалось, что это гангрена, и было так больно, что я совсем забыл про свой зуб.

– Вот как! А что у тебя с зубом?

– Один зуб вверх шатается и болит так, что просто ужас.

– Ну, ну, ладно, только не вздумай опять стонать. Открой рот. Ну да, зуб шатается, только от этого никто еще не умирал. Мэри, принеси мне шелковую нитку и горящую головню из кухни.

Том сказал:

– Ой, тетя, только не надо его дергать. Теперь он уже совсем не болит. Помереть мне на этом месте, ничуть не болит. Пожалуйста, не надо. Я все равно пойду в школу.

– Ах, все равно пойдешь, вот как? Так все это ты затеял только ради того, чтобы не ходить в школу, а вместо того пойти на реку? Ах, Том, Том, я так тебя люблю, а ты меня просто убиваешь своими дикими выходками!

Орудия для удаления зуба были уже наготове. Тетя Полли сделала из шелковой нитки петельку, крепко обмотала ею больной зуб, а другой конец нитки привязала к кровати. Потом, схватив пылающую головню, ткнула ею чуть не в самое лицо мальчику. Зуб выскочил и повис, болтаясь на ниточке.

Но за всякое испытание человеку полагается награда. Когда Том шел после завтрака в школу, ему завидовали все встречные мальчики, потому что в верхнем ряду зубов у него теперь образовалась дыра, через которую можно было превосходно плевать новым и весьма замечательным способом. За Томом бежал целый хвост мальчишек, интересовавшихся этим новым открытием, а мальчик с порезанным пальцем, до сих пор бывший предметом лести и поклонения, остался в полном одиночестве и лишился былой славы. Он был очень этим огорчен и сказал пренебрежительно, что не видит ничего особенного в том, чтобы плевать, как Том Сойер, но другой мальчик ответил только: «Зелен виноград!» – и развенчанному герою пришлось со стыдом удалиться.

Вскоре Том повстречал юного парию Гекльберри Финна, сына первого питерсбергского пьяницы. Все городские маменьки от души ненавидели и презирали Гекльберри Финна за то, что он был лентяй, озорник и не признавал никаких правил, а также за то, что их дети восхищались Геком, стремились к его обществу, хотя им это строго запрещалось, и жалели о том, что им не хватает храбрости быть такими же, как он. Том наравне со всеми другими мальчиками из приличных семей завидовал положению юного отщепенца Гекльберри, с которым ему строго запрещалось водиться. Именно поэтому он пользовался каждым удобным случаем, чтобы поиграть с Геком. Гекльберри всегда был одет в какие-нибудь обноски с чужого плеча, все в пятнах и такие драные, что лохмотья развевались по ветру. Вместо шляпы он носил

какую-то просторную рвань, от полей которой был откромсан большой кусок в виде полумесяца; пиджак, если он имелся, доходил чуть не до пяток, причем задние пуговицы приходились гораздо ниже спины; штаны держались на одной подтяжке и висели сзади мешком, а обтрепанные штанины волочились по грязи, если Гек не закатывал их выше колен.

Гекльберри делал что хотел, никого не спрашиваясь. В сухую погоду он ночевал на чьем-нибудь крыльце, а если шел дождик, то в пустой бочке; ему не надо было ходить ни в школу, ни в церковь, не надо было никого слушаться: захочет – пойдет ловить рыбу или купаться когда вздумает и просидит на реке сколько вздумает; никто не запрещал ему драться; ему можно было гулять до самой поздней ночи; весной он первый выходил на улицу босиком и последний обувался осенью; ему не надо было ни умываться, ни одеваться во все чистое; и ругаться тоже он был мастер. Словом, у этого оборванца было все, что придает жизни цену. Так думали все задерганные, замученные мальчишки из приличных семей в Сент-Питерсберге.

Том окликнул этого романтического бродягу:

– Здравствуй, Гекльберри!

– Здравствуй и ты, коли не шутишь.

– Что это у тебя?

– Дохлая кошка.

– Дай-ка поглядеть, Гек. Вот здорово окоченела! Где ты ее взял?

– Купил у одного мальчишки.

– А что дал?

– Синий билетик и бычий пузырь; а пузырь я достал на бойне.

– Откуда у тебя синий билетик?

– Купил у Бена Роджерса за палку для обруча.

– Слушай, Гек, а на что годится дохлая кошка?

– На что годится? Сводить бородавки.

– Ну вот еще! Я знаю средство получше.

– Знаешь ты, как же! Говори, какое?

– А гнилая вода.

– Гнилая вода! Ни черта не стоит твоя гнилая вода.

– Не стоит, по-твоему? А ты пробовал?

– Нет, я не пробовал. А вот Боб Таннер пробовал.

– Кто это тебе сказал?

– Как кто? Он сказал Джефу Тэтчеру, а Джеф сказал Джонни Бэккеру, а Джонни сказал Джиму Холлису, а Джим сказал Бену Роджерсу, а Бен сказал одному негру, а негр сказал мне. Вот как было дело!

– Так что же из этого? Все они врут. То есть все, кроме негра. Я его не знаю. Только я в жизни не видывал такого негра, чтобы не врал. Чушь! Ты лучше расскажи, как Боб Таннер это делал.

– Известно как: взял да и засунул руки в гнилой пень, где набралась дождевая вода.

– Днем?

– А то когда же еще.

– И лицом к пню?

– Ну да. То есть я так думаю.

– Он говорил что-нибудь?

– Нет, кажется, ничего не говорил. Не знаю.

– Ага! Ну какой же дурак сводит так бородавки! Ничего не выйдет. Надо пойти совсем одному в самую чашу леса, где есть гнилой пень, и ровно в полночь стать к нему спиной, засунуть руку в воду и сказать:

Ячмень, ячмень, рассыпсыя, индейская еда,
Сведи мне бородавки, гнилая вода...

потом быстро отойти на одиннадцать шагов с закрытыми глазами, повернуться три раза на месте, а после того идти домой и ни с кем не разговаривать: если с кем-нибудь заговоришь, то ничего не подействует.

– Да, вот это похоже на дело. Только Боб Таннер сводил не так.

– Ну еще бы, конечно, не так; то-то у него и бородавок уйма, как ни у кого другого во всем городе; а если б он знал, как обращаться с гнилой водой, то ни одной не было бы. Я и сам свел пропасть бородавок таким способом, Гек. Я ведь много вожусь с лягушками, оттого у меня всегда бородавки. А то еще я свожу их гороховым стручком.

– Верно, стручком тоже хорошо. Я тоже так делал.

– Да ну? А как же ты сводил стручком?

– Берешь стручок, лущишь зерна, потом режешь бородавку, чтоб показалась кровь, капашь кровью на половину стручка, роешь ямку и зарываешь стручок на перекрестке в новолуние, ровно в полночь, а другую половинку надо сжечь. Понимаешь, та половинка, на которой кровь, будет все время притягивать другую, а кровь тянет к себе бородавку, оттого она и сходит очень скоро.

– Да, Гек, что верно то верно; только когда зарываешь, надо еще говорить: «Стручок в яму, бородавка прочь с руки, возвращаться не моги!» – так будет крепче. Джо Гарпер тоже так делает, а он, знаешь, где только не был! Даже до самого Кунвилля доезжал. Ну, а как же это их сводят дохлой кошкой?

– Как? Очень просто: берешь кошку и идешь на кладбище в полночь, после того как там похоронили какого-нибудь большого грешника; ровно в полночь явится черт, а может, два или три; ты их, конечно, не увидишь, услышишь только, – будто ветер шумит, а может, услышишь, как они разговаривают; вот когда они потащат грешника, тогда и надо бросить кошку им вслед и сказать: «Черт за мертвецом, кошка за чертом, бородавка за кошкой, я не я, и бородавка не моя!» Ни одной бородавки не останется!

– Похоже на дело. Ты сам когда-нибудь пробовал, Гек?

– Нет, а слыхал от старухи Гопкинс.

– Ну, тогда это так и есть. Все говорят, что она ведьма.

– Говорят! Я наверно знаю, что она ведьма. Она околдовала отца. Он мне сам сказал. Идет он как-то и видит, что она на него напускает порчу, тогда он схватил камень да как пустит в нее, – и попал бы, если б она не увернулась. И что же ты думаешь, в ту же ночь он забрался пьяный на крышу сарая, свалился оттуда и сломал себе руку.

– Страсть какая! А почему же он узнал, что она на него порчу напускает?

– Господи, отец это мигом узнает. Он говорит: когда ведьма глядит на тебя в упор – значит, околдовывает. Особенно если что-нибудь бормочет. Потому что если ведьмы бормочут, так это они читают «Отче наш» задом наперед.

– Слушай, Гек, ты когда думаешь попробовать кошку?

– Нынче ночью. По-моему, черти должны нынче прийти за старым хрычом Вильямсом.

– А ведь его похоронили в субботу. Разве они не забрали его в субботу ночью?

– Чепуху ты говоришь! Да разве колдовство может подействовать до полуночи? А там уж и воскресенье. Не думаю, чтобы чертям можно было везде шлаться по воскресеньям.

– Я как-то не подумал. Это верно. А меня возьмешь?

– Возьму, если не боишься.

– Боюсь! Еще чего! Ты мне мяукнешь?

– Да, и ты мне тоже мяукни, если можно будет. А то прошлый раз я тебе мяукал-мяукал, пока старик Гэйс не начал швырять в меня камнями, да еще говорит: «Черт бы драл эту кошку!» А я ему запустил кирпичом в окно, – только ты не говори никому.

– Ладно, не скажу. Тогда мне нельзя было мяукать, за мной тетя следила, а сегодня я мяукну. А это что у тебя?

– Ничего особенного, клещ.

– Где ты его взял?

– Там, в лесу.

– Что ты за него просишь?

– Не знаю. Не хочется продавать.

– Не хочешь – не надо. Да и клещ какой-то уж очень маленький.

– Конечно, чужого клеща охаять ничего не стоит. А я своим клещом доволен. По мне, и этот хорош.

– Клещей везде сколько хочешь. Я сам хоть тысячу наберу, если вздумаю.

– Так чего же не наберешь? Отлично знаешь, что не найдешь ни одного. Это самый ранний клещ. Первого в этом году вижу.

– Слушай, Гек, я тебе отдам за него свой зуб.

– Ну-ка, покажи.

Том вытащил и осторожно развернул бумажку с зубом. Гекльберри с завистью стал его разглядывать. Искушение было слишком велико. Наконец он сказал:

– А он настоящий?

Том приподнял губу и показал пустое место.

– Ну ладно, – сказал Гекльберри, – по рукам!

Том посадил клеща в коробочку из-под пистонов, где сидел раньше жук, и мальчики расстались, причем каждый из них чувствовал, что разбогател.

Дойдя до бревенчатого школьного домика, стоявшего поодаль от других, Том вошел туда шагом человека, который торопится изо всех сил. Он повесил шляпу на гвоздь и с деловитым видом бойко прошмыгнул на свое место. Учитель, восседавший на кафедре в большом плетеном кресле, дремал, убаюканный сонным гудением класса. Появление Тома разбудило его.

– Томас Сойер!

Том знал, что, когда его имя произносят полностью, это предвещает какую-нибудь неприятность.

– Я здесь, сэр.

– Подойдите ближе. По обыкновению, вы опять опоздали? Почему?

Том хотел было соврать, чтобы избавиться от наказания, но тут увидел две длинные золотистые косы и спину, которую он узнал мгновенно благодаря притягательной силе любви. Единственное свободное место во всем классе было рядом с этой девочкой. Не задумываясь ни на миг, он сказал:

– Я остановился на минутку поговорить с Гекльберри Финном!

Учителя чуть не хватил удар, он растерянно взирал на Тома. Гудение в классе прекратилось. Ученики подумывали, уж не рехнулся ли этот отчаянный малый. Учитель переспросил:

– Вы... что вы сделали?

– Остановился поговорить с Гекльберри Финном.

Никакой ошибки быть не могло.

– Томас Сойер, это самое поразительное признание, какое я только слышал. Одной линейки мало за такой проступок. Снимите вашу куртку.

Рука учителя трудилась до полного изнеможения, пока не изломались все прутья. После чего был отдан приказ:

– А теперь, сэр, ступайте и сядьте с девочками! Пусть это будет для вас уроком.

Смешок, волной промчавшийся по классу, казалось, смутил Тома; на самом же деле это было не смущение, а почтительная робость перед новым божеством и страх, смешанный с радостью, которую сулила такая необыкновенная удача. Он сел на самый конец сосновой скамьи, а девочка, вздернув носик, отодвинулась от него подальше. Все кругом шептались, подталкивали друг друга и перемигивались; однако Том сидел смирно, положив руки перед собой на длинную низкую парту и, по-видимому, с головой уйдя в книгу.

Мало-помалу на него перестали смотреть, и привычное школьное жужжание опять стояло в сонном воздухе. Том начал украдкой поглядывать на девочку. Она это заметила, презрительно поджала губы и на минуту даже повернулась к Тому спиной. Когда девочка опять села к нему лицом, перед ней очутился персик. Она его отодвинула. Том тихонько подвинул персик обратно. Она опять его оттолкнула, но уже не так враждебно. Том, не теряя терпения, положил персик на старое место. Она его не тронула. Том нацарапал на грифельной доске: «Пожалуйста, возьмите – у меня есть еще». Девочка посмотрела на доску, но ничего не ответила. Тогда Том принялся рисовать что-то на доске, прикрывая свое произведение левой рукой. Сначала девочка не хотела ничего замечать, потом женское любопытство взяло верх, что можно было заметить по некоторым признакам. Том по-прежнему рисовал, как будто ничего не видя. Девочка попробовала исподтишка взглянуть на рисунок, но он ничем не показал, что замечает это. Наконец она сдалась и нерешительно шепнула:

– Можно мне посмотреть?

Том приоткрыл карикатурный домик с двумя коньками на крыше и трубой, из которой дым выходил штопором. Девочка так увлеклась рисованием Тома, что забыла обо всем на свете. После того как рисунок был окончен, она посмотрела на него с минуту и сказала:

– Как хорошо! А теперь нарисуйте человечка.

Художник изобразил перед домом человечка, похожего на подъемный кран. Он мог бы перешагнуть через дом, но девочка судила не слишком строго – она осталась очень довольна этим страшилищем и прошептала:

– Какой красивый! А теперь нарисуйте меня.

Том нарисовал песочные часы, увенчанные полной луной, приделал к ним ручки и ножки в виде соломинок и вооружил растопыренные пальцы огромным веером. Девочка сказала:

– Ах, как хорошо! Жалко, что я не умею рисовать.

– Это легко, – прошептал Том, – я вас научу.

– Правда научите? А когда?

– В большую перемену. Вы пойдете домой обедать?

– Я могу остаться, если хотите.

– Хорошо. Как вас зовут?

– Бекки Тэтчер. А вас? Ах, я знаю: Томас Сойер.

– Это когда меня дерут. А если я хорошо себя веду – Том. Зовите меня Том, ладно?

– Ну что ж.

Том принялся царапать что-то на доске, закрывая написанное от Бекки. На этот раз она, не стесняясь, попросила показать, что это такое. Том ответил:

– Да так, ничего особенного.

– Нет, покажите.

– Да не стоит. Вам будет неинтересно.

– Нет, интересно. Покажите, пожалуйста.

– Вы про меня расскажете.

– Нет, не расскажу. Ну вот вам честное-пречестное, ну самое честное, что не расскажу.

– Никому-никому не скажете? Никогда, до самой смерти?

– Никому на свете. А теперь показывайте.

– Да вам же, право, неинтересно!

– Ну, если вы так со мной обращаетесь, то я сама посмотрю.

Она схватила своей маленькой ручкой руку Тома, последовала небольшая борьба, причем Том делал вид, будто сопротивляется, а сам мало-помалу отодвигал свою руку, пока не показались слова: «Я вас люблю!»

– Ах, какой вы противный! – И она проворно шлепнула Тома по руке, но все-таки покраснела, и вообще было видно, что она очень довольна.

В эту минуту мальчик почувствовал, как чья-то сильная рука медленно и неуклонно сжимает его ухо и тянет вверх и вперед. Таким порядком его провели через весь класс и водворили на старое место под перекрестным огнем хихиканья. После этого учитель простоял над ним несколько тягостных мгновений, наконец отошел прочь, к своему трону, так и не сказав ни слова. Но хотя ухо Тома горело, сердце его было полно ликования.

После того как в классе все утихло, Том сделал честную попытку учить уроки, но был для этого слишком взволнован. Когда дошла до него очередь читать вслух, он опозорился, потом, отвечая по географии, превращал озера в горные хребты, хребты в реки и реки в материки, так что на земле снова водворился хаос; потом, когда писали диктант, он наделал ошибок в самых простых словах, известных всякому младенцу, оказался на последнем месте, и оловянная медаль за правописание, которую он носил всем напоказ несколько месяцев подряд, перешла к другому ученику.

Глава седьмая

Чем больше Том старался сосредоточиться на уроке, тем больше приходили вразброд его мысли. Наконец Том вздохнул, зевнул и бросил читать. Ему казалось, что большая перемена никогда не начнется. Воздух был совершенно неподвижен. Не чувствовалось ни малейшего ветерка. Из всех скучных дней это был самый скучный. Усыпляющее бормотание двадцати пяти усердно зубривших учеников навевало дремоту, как жужжание пчел. Там, за окном, в жарком солнечном блеске, сквозь струистый от зноя воздух, чуть лиловатый в отдалении, зеленели курчавые склоны Кардифской горы; две-три птицы, распластав крылья, лениво парили высоко в небе; на улице не видно было ни одной живой души, кроме нескольких коров, да и те дремали. Душа Тома рвалась на волю, рвалась к чему-нибудь такому, что оживило бы его, помогло скоротать эти скучные часы. Его рука полезла в карман, и лицо просияло радостной, почти молитвенной улыбкой. Потихоньку он извлек на свет коробочку из-под пистонов, взял клеща и выпустил его на длинную плоскую парту. Клещ, должно быть, тоже просиял радостной, почти молитвенной улыбкой, но это было преждевременно: как только он, преисполнившись благодарности, пустился наутек, Том загородил ему дорогу булавкой и заставил свернуть в сторону.

Закадычный друг Тома сидел рядом с ним, страдая так же, как страдал недавно Том, а теперь он живо заинтересовался развлечением и с благодарностью принял в нем участие. Этот закадычный друг был Джо Гарпер. Обыкновенно мальчики дружили всю неделю, а в воскресенье шли друг на друга войной. Джо вынул булавку из лацкана курточки и тоже помог мушкетировать пленного. Игра с каждой минутой становилась все интереснее! Скоро Тому показалось, что вдвоем они только мешают друг другу и ни тому, ни другому нет настоящего удовольствия от клеща. Он положил на парту грифельную доску Джо Гарпера и разделил ее пополам, проведя черту сверху донизу.

– Вот, – сказал он, – пока клещ на твоей стороне, можешь подгонять его булавкой, я его трогать не стану; а если ты его упустишь и он перебежит на мою сторону, так уж ты его не трогай, тогда я его буду гонять.

– Ладно, валяй; выпускай клеща.

Клещ очень скоро ушел от Тома и пересек экватор. Джо его немножко помучил, а потом клещ от него сбежал и опять перешел границу. Он то и дело перебегал с места на место. Пока один из мальчиков с увлечением гонял клеща, весь уйдя в это занятие, другой смотрел с таким же увлечением – обе головы склонились над доской, обе души умерли для всего остального на свете. Под конец счастье как будто повалило Джо Гарперу. Клещ бросался то туда, то сюда и, как видно, взволновался и растревожился не меньше самих мальчиков. Победа вот-вот готова была перейти к Тому; у него уже руки чесались подтолкнуть клеща, но тут Джо Гарпер ловко направил клеща булавкой в другую сторону, и клещ остался в его владении. В конце концов Том не вытерпел. Искушение было слишком сильно. Он протянул руку и подтолкнул клеща булавкой. Джо сразу вспылil. Он сказал:

– Том, оставь клеща в покое.

– Я только хотел расшевелить его чуточку.

– Нет, сэр, это нечестно; оставьте его в покое.

– Да ведь я только чуть-чуть.

– Оставь клеща в покое, говорят тебе!

– Не оставлю!

– Придется оставить – он на моей стороне!

– Послушай-ка, Джо Гарпер, чей это клещ?

– А мне наплевать, чей бы ни был! На моей стороне, значит, не смей трогать.

– А я все равно буду. Клещ мой, что хочу, то с ним и делаю, вот и все.

Страшный удар обрушился на плечи Тома, и второй, совершенно такой же, – на плечи Джо; минуты две подряд пыль летела во все стороны из их курток, и все школьники веселились, глядя на них. Мальчики так увлеклись игрой, что не заметили, как весь класс притих, когда учитель, прокравшись на цыпочках через всю комнату, остановился около них. Он довольно долго смотрел на представление, прежде чем внести в него некоторую долю разнообразия.

Когда школьников отпустили на большую перемену, Том подбежал к Бекки Тэтчер и шепнул ей:

– Наденьте шляпку, как будто идете домой, а когда дойдете до угла, как-нибудь отстаньте от других девочек, сверните в переулок и приходите обратно. А я пойду другой дорогой и тоже так сделаю, удеру от своих.

Так они и сделали – он пошел с одной группой школьников, она – с другой. Через несколько минут оба встретились в конце переулка и вернулись в школу, где, кроме них, не осталось никого. Они сели вдвоем за одну парту, положили перед собой грифельную доску, Том дал Бекки грифель и стал водить ее рукой по доске, показывая ей, как надо рисовать, и таким путем соорудил еще один замечательный домик. Потом интерес к искусству несколько ослабел, и они разговорились. Том плавал в блаженстве. Он спросил Бекки:

– Вы любите крыс?

– Нет, терпеть их не могу.

– Ну да, живых и я тоже. А я говорю про дохлых – чтобы вертеть вокруг головы на веревочке.

– Нет, крыс я вообще не очень люблю. Я больше люблю жевать резинку.

– Ну еще бы, и я тоже. Хорошо бы сейчас пожевать.

– Хотите? У меня есть немножко. Я дам вам пожевать, только вы потом отдайте.

Том согласился, и они стали жевать резинку по очереди, болтая ногами от избытка удовольствия.

– Вы бывали когда-нибудь в цирке? – спросил Том.

– Да, и папа сказал, что еще меня поведет, если я буду хорошо учиться.

– А я сколько раз бывал, три или даже четыре раза. Церковь дрянь по сравнению с цирком. В цирке все время что-нибудь представляют. Когда я вырасту, то пойду в клоуны.

– Да? Вот будет хорошо! Они очень красивые, все в пестром.

– Это правда. И денег загибают кучу. Бен Роджерс говорит, будто бы по целому доллару в день. Послушайте, Бекки, вы были когда-нибудь помолвлены?

– А что это значит?

– Ну как же, помолвлены, чтобы выйти замуж.

– Нет, никогда.

– А вам хотелось бы?

– Пожалуй. Я, право, не знаю. А на что это похоже?

– На что похоже? Да ни на что не похоже. Вы просто говорите мальчику, что никогда, никогда ни за кого другого не выйдете, потом целуетесь, вот и все. Это кто угодно сумеет.

– Целуетесь? А для чего же целоваться?

– Ну, знаете ли, это для того... да просто потому, что все так делают.

– Все?

– Ну конечно, все, кто влюблен друг в друга. Вы помните, что я написал на доске?

– Д-да.

– Ну что?

– Не скажу.

– Может, мне вам сказать?

– Д-да, только как-нибудь в другой раз.

– Нет, я хочу теперь.

– Нет, не теперь, лучше завтра.

– Нет, лучше теперь. Ну что вам стоит, Бекки, я шепотом, совсем потихоньку.

Так как Бекки колебалась, Том принял молчание за согласие, обнял ее за плечи и очень нежно прошептал ей:

– Я тебя люблю, – приставив губы совсем близко к ее уху; потом прибавил: – А теперь ты мне шепни то же самое.

Она отнекивалась некоторое время, потом сказала:

– Вы отвернитесь, чтобы вам было не видно, тогда я шепну. Только не рассказывайте никому. Не расскажете, Том? Никому на свете, хорошо?

– Нет, ни за что никому не скажу. Ну же, Бекки!

Он отвернулся. Она наклонилась так близко, что от ее дыхания зашевелились волосы Тома, и шепнула: «Я – вас – люблю!»

И, вскочив с места, она начала бегать вокруг парт и скамеек, а Том за ней; потом она забилась в уголок, закрыв лицо белым фартучком. Том, обняв Бекки за шею, стал ее уговаривать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.